Владимир Градусов

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

(Философская лирика и ещё кое-что)

Том 2

(до 2026 г.)

***

У Судьбы в ночи проведал --
выбор очень непростой:
либо Пиррова победа,
либо гнилостный застой

***

Нахлынули года лихие:
Землю во всех частях колышат,
пока на голову глухие
опасный гул ещё не слышат.

Моему инфаркту

Если я по жизни вор,
мало кому полезный,
инфаркт --
    хороший приговор,
самый безболезненный.

***

Иду от моря, зол и смур:
там с лодочки рыбак окрестный
берёт мальков “на самодур” --
приём в моей стране известный.

Поодаль опытный рыбак
грёб на катрана -- лов опасный.
Я же, молоденький чудак
был и по недомыслу страстный.

С катраном был решён вопрос
и, к сожаленью, слишком рано,
когда рыбак, бывший матрос,
меня отвадил “от катрана”.

Страсть к стихотворству родилась,
к большим стихам (как на катрана).
Какая здесь имелась связь --
не враз судите, как болвана.

Теперь короткие стишки
ловлю “на самодур” . . . но много.
Прощаю все свои грешки,
если до них вела дорога.

Вопрос на засыпку

Старичок с собакой на помойке
каждый вечер что-нибудь находит.
Думаем, во дворике, в сторонке:
кто же их в последний путь проводит ?

Вопрос на засыпку

Весь мир для нас, народных масс . . .
Когда такой наступит час,
чтоб после пьяного похмелья
услышать крик из подземелья ?

Вопрос на засыпку

Мир вошёл в иную “волость”,
где не выживет никто.
Только денежная сволочь,
что уедет, “если что”.

Что случилось на Планете ?
Кто сменил живую “владь”,
что не могут даже “эти”
новым Светом управлять ?

Вопрос на засыпку

Россия по своей судьбе
огромный груз содержит.
Теперь же в мировой войне --
как свою Жизнь удержит ?

Начало конца

Где мир развалится на части,
останутся верней всего
специалисты, как запчасти,
но неизвестно для чего.

Всюду фронт

Красиво пишут о природе,
о сельском праведном народе,
где воля и покой в башке --
не то, что в “каменном мешке”.

В “глубинке” нелегко прожить.
Научишься “по фене ботать”.
Чтоб почву к пользе возродить,
приходиться с говном работать.

Людские игры

Что есть война ? Игра такая,
порой от края и до края.

В которую, как ни посмотри,
всегда играют короли.

Хотя они не так уж сразу
в “горячую” вступают фазу.

Тогда, бывает, убивают . . .
но бандам мало уступают.

Или подлёдной ловле рыбы,
когда не все вернутся живы.

Но кто успел вернуться прежде --
те “короли” в своей надежде.

***

Ислам с Аллахом спать ложится.
Его не напугает встречный.
Он и Шайтана не боится,
и потому живучий вечно.

Как ты словам его ни внемли,
народ, не ведающий страха,
он не берёт чужие земли,
на коих не было Аллаха.

Красив поэту не “красивый” стих,
который сшит из слов пустых.

Поэты не настолько нищи,
чтоб видеть в женщинах цветы.
Поэт красавицу не ищет,
стремясь на конкурс красоты.

***

Подними глаза печальны,
веселей, моя подруга.
Мы с тобою уникальны --
раритеты друг для друга.

***

В жизни всё бывает впрок,
самый незавидный факт.
Возьмёшь штопанный носок --
вспомнишь собственный инфаркт.

***

Путь человека недалёк.
У каждого есть свой порог.
Его “рукой” потрогать можно,
всё остальное ненадёжно.

Что за порогом ? Пустота.
Возможно, это высота,
ради чего иным, достойным,
жизнь не покажется застойной.

Всего два века

Век девятнадцатый --
российская вершина
жизни Культуры,
но не общая картина
российской жизни
в этом важном веке,
когда восстал вопрос о человеке.

О человеке он только проснётся,
не всякий раз счастливо улыбнётся.
С большим трудом
покатится в двадцатый,
правдиво названный -- проклятым.

***

Каждый рисует некий Мир,
неважно, какой “кистью”.
Пускай Он будет твой кумир.
Свою задумку лисью
держи подольше на пути
по жизненным дорогам.
Не знаем, сколько нам идти . . .
хотя совсем немного.

***

Никто банальную не терпит речь
о том, что близость следует беречь.
Легко рассыпалась великая держава,
где нет дороже собственного нрава.

Когда запущена единая кровать,
супруги вспомнят о своей промашке.
Если и лягут вместе ночевать --
меж них опять “забегают букашки”.

О верблюдах

Наш мир земной уж не года, а веки
живёт, где “правит” человечий люд.
Но он в узде религии навеки,
а люд в узде -- он попросту верблюд.

Для развлекухи их выводят в поле --
с мячом и клюшками верблюжье поло,
или устраивают гонки на верблюдах,
чтобы жилось не очень скучно “в людях”.

Но пастыри, что верховодят стадом --
они всегда, они повсюду рядом.
И нерадивых сразу ставят в стойло,
по минимуму ограничивая пойло.

У пастырей всю жизнь свои проблемы,
как будто несогласие в вопросах Веры,
а за ковром -- грызня за деньги и комфорт:
играет ими Дьявол, или Чёрт.

Боится Дьявол только Человека,
но люд его не повстречал от века.

Совет Европе

Готовые вновь повоевать,
пока не ставшие мишенью,
вспомните, как хоронили мать,
и приготовьтесь к погребенью.

Да, всех нас ждёт один конец,
не обязательно -- единый.
Но вздрогнет чьё-то из сердец,
чтоб клик услышать лебединый.

Европа -- Путину

Войной не угрожайте нам.
Мы не допустим войны здесь,
ответим всею мощью вам.
Нам нужен мир . . .
и лучше весь.*

***

Пошло-тарифная война --
такую Мир ещё не знал --
пока повсюду не видна,
но воет, как девятый вал.

Спокойно приняла Планета
известие, как о заходе Солнца.
Завтра наступит утро, где-то
откроем вновь своё оконце.

Весь Мир давно для нас любимых,
как был, так и пребудет вечно.
А в Небе Бог своих родимых
оберегает бесконечно.

Пришла пора, мы думать сами
обречены о тех, кто рядом,
видят такими же глазами,
но шествуют другим парадом.

Комфорт теперь уже не вечен,
как овощ в нашем огороде.
Нежданные увидим встречи
на неизвестном повороте.

Мы зёрнышки в огромном Неком,
что вряд ли кем-то постижимо.
Но стать при жизни человеком
возможно . . . и уйти красиво.

Закон войны

Во всех сражениях сложилось --
а нынче нелегко понять:
хотите проявлять решимость --
решимость надо проявлять.

Щекочет хитрость на войне --
в своём комфорте отсидеться.
Но не кончаются вполне
ни войны, ни тревоги сердца.

***

Привычно людям утверждать:
“Тому не страшно умирать,
кто не имеет ничего,
и страхом не возьмёшь его”.

А кто же склонен на Земле
планету сжечь в большом огне ?

Им тоже нечего терять.
Они уже имели всё,
что было в мире до него.
Другие будут умирать.
А эти переждут пожар,
потом будут “делить базар”.

Вопрос на засыпку

Зачем слова на рифмы нижу,
восьмой десяток запечатав ?
Что через них ещё увижу,
в декадах прошлых незачатых?

Чего ещё познать случится
в этом отжившем, душном веке,
где доживая, как в больнице,
отпал вопрос о человеке ?

Вопрос на засыпку

Какая светится картина
вслед за военным поединком ?
Нам будет вновь необходимо
знакомиться с блошиным рынком.

***

Война -- как средство
от скучищи --
самой обычной в мире пытки,
которая у духом нищих
не будет отнимать пожитки,
а только боль тоски утишит
в большой игре, хотя опасной.
Конец игры он не услышит . . .
и жизни, прожитой напрасно.

***

Трамп по нужде
на Мир свалился,
вдруг за Россию зацепился.
По всем названиям -- чудак,
сюда не ходят “просто так”.

За ним подглядывать Европа
решила твёрдо: сразу “в оба”.
Теперь считает свой запас,
но жаль -- не сходится баланс.

Мир остальной, прожив века,
пока играет “в дурака”.

Редкая удача

Редко на столе увидишь
из Дубая пахлаву,
как бывало, ночью слышишь
от любимой похвалу.

***

Тех бесполезно в чём-то убеждать,
кто фактологию считают за Историю.
Словно невеста приняла теорию,
что после ЗАГСа надо
“просто ждать”.

Сон во сне

Наверно, скоро по весне
блеснёт живой кусочек мая,
а я так и усну, во сне
твои колени раздвигая.

***

Чем футбольные фанаты
более всего объяты ?

Скуки молодцы боятся,
день в безделье проболтаться,
ежели ты глуп и молод.
Лучше “за своих” подраться . . .
а футбол -- всего лишь повод.

Та же для войны причина
майданутого кретина.

Перед закатом

Это пошленькое стадо одинаковых,
у кого один вопрос: “Ты за кого ?”
не рождают у себя Курчатовых,
и не станут все за одного.

То они футбольные болельщики,
головы положат за “Зенит”,
то фанаты за “свободу женщины”,
или “против Путина” свербит.

Радуясь за “нашего Овечкина”,
плохо знают: кто кого бомбит,
будет на планете человечнее
или хрен с ней -- в Космос улетит.

Юбилей Победы

Войне той 80 лет.
Какой отметишь юбилей,
как 80-летний дед --
он ещё жив, а то и нет.

Пропала память обо всём,
осталось что-то из “кина”.
Не вспомнишь даже и вдвоём --
исчезла боль . .. и злость сама.

А видели войну тогда ?
Только как зверство и разбой.
Стихи читали иногда
в газетах, с почтой полевой.

В тылу был слышан Левитан,
чей голос будоражил дух.
Он долетал до прочих стран,
жизнь продлевал больных старух.

Была Священной та война,
единственной за сотни лет,
где вздыбилась зверей волна,
а у людей защиты нет.

Но встал могучий Человек
из всех божественных глубин,
един в ответе за свой век,
а с ним другие, как один.

Теперь лишь в фактах “копошня”,
смотрящаяся, как абсурд,
трактовок нынешних возня,
чтоб не попасть на скорый суд.

Историкам, других смелей,
хватит работы “наобум”,
пока в 100-летний юбилей
писатели закроют “бум”.

P.S.
Я начал стих о той Большой Войне.
Но осознал, что не имею права.
Не хватит слов для этого вполне.
Всё скажет одно слово -- Слава.

***

Фашизм, нацизм -- эти слова
средь нас гуляют часто рядом.
Их мелет пустая голова,
бравируя, словно нарядом.

Фашизм -- живучий как режим,
на полумира обитает.
Нацизм -- повсюду нестерпим,
и жизнь, и душу убивает.

Ты потрепался и готово.
Смертью играет нынче слово.

Судьба в*е*ка

Державы в*е*ка в “кошки-мышки”
наигрались.
Теперь свою судьбу пытаются понять.
Фашизм с нацизмом насмерть
разодрались.
Европа целится останки пригребать.

Мир передрался до уничтожения.
В один конец любой билет.
Последних выживших
ждёт разложение --
другого будущего нет.

.

***

Эту СВО совсем не разом
осознали как войну.
Есть и те, кто сонным глазом
не поймали глубину.

“На войнушку боковую
хватит сил со стороны.
Есть у нас на мировую,
и ещё на две войны”.

Но, однако, замотался
общий хаоса клубок.
Мир тревожно заметался
в том, что было невдомёк.

Здесь война во всём другая,
всех со всеми, как в аду.
Никого не отпуская,
слепо мечется в бреду.

Если разум не очнётся
от загробного конца,
многим на Земле придётся
кровью омывать сердца.

***

Напрасно пестуешь надежду
стих записать на карандаш.
Ты можешь снять
с себя одежду --
поэзию не передашь.

***

Умру. Отправите со мной
едва лишь горстку слов пустых.
А я уйду в век золотой,
где знали, сколько стоит стих.

***

Спросите о его судьбе.
Для всех других обыкновенный,
поэт -- он пишет о себе,
для прочих вряд ли откровенный.

Спецоперация

Как бы омытые божественною влагой,
метались мы меж психологией и Вангой.
Теперь уже не видится ни зги,
как будто вскрыты намертво мозги.

***

Устал я видеть зло на свете,
жестокую людскую драку,
где мир давно упал в клоаку,
что на закате речкой светит.

***

Россия не припомнит время,
когда живала, как хотела.
Всегда какое-нибудь бремя
её держало не у дела.

Теперь вопрос отпал надолго
в глухой войне,
на вечном фронте.
Пока довлеет память долга,
уснули думки о комфорте.

Фронт внешний
всё-таки погаснет,
натешится пустой идеей.
Но внутренний куда опасней,
где сволочь в пустоте балдеет.

Пустая жизнь страшнее боли,
что день и ночь не отпускает.
Подобна вражеской неволе,
по капле разум выпивает.

Почти без разума остаться,
словно какой-то новый “йети”,
когда в округе суетятся
и всюду колобродят “эти” --

пойдёшь на поиски подобных,
таких же, потерявших волю,
чтоб рядом, на путях удобных
найти совместно свою долю.

Тогда их называют бандой.
По всей России --
целый фронт,
фронт внутренний,
большой командой
свой забирающий комфорт.

За что воюем ?

Полно вокруг пустых ораторов.
Но мы -- за Родину одну --
превратим войну диктаторов
в Отечественную войну.

Себе

Не пошлёшь стишки на ветер,
чтоб кому то угодить.
Если хочешь жить на свете --
хватит “мультики” плодить.

***

Запутался “народ”: поэт и стихотворец --
тому и другому ценен стих.
Кто же за истину сильнейший богоборец ?
Никто -- боги разные у них.

***

В поэзии нет “истинных” находок
и некой “правды” на века.
В ней истина настолько глубока --
красотой сверкает мимоходом.

***

На что в конце похожа жизнь ?
Попробуй догадаться --
она, как на скале: держись,
но не за что держаться.

Когда по рынку носишь грош,
но вряд ли обменяешь.
Или последнюю бутылку пьёшь . . .
и скупо наливаешь.

Вопрос на засыпку

У каждого своя судьба --
с налёту не поймёшь:
себя ты в мире познаёшь --
иль мир через себя ?

***

Поэт глядится из стихов,
частями миру отдаётся.
Но он целей, когда без слов
поэтом в жизни остаётся.

***

Порой иные из “светил”
ходят планетами по кругу:
“Вот Боратынский . . . очень мил . . .
но мы как-то холодны друг другу”.

Время индивидуальной поэзии прошло.
Другой -- ещё не наступило.
Е. Баратынский

Мы о поэзии отлично
здесь научились говорить.
Поэзия повсюду лична --
другой она не может быть.

Всегда проходит то, что было.
Для новой жизни не беда.
Если ещё не наступило,
то не наступит никогда.

***

Да, Пушкин -- наше всё.
А подниматься выше --
не соберешь греха.
Зачем нам выше крыши.
Пусть это будет всё.
Народ не хочет лишнего,
достаточно на памятник
народного стиха.

***

Такие промелькнули леты
в начале поэтического круга --
три величайшие планеты
увидели, не распознав друг друга.

Они проложили путь не близкий:
Батюшков, Пушкин, Баратынский.

Деградация

В начале золотого века
блистали русские поэты
в борьбе за душу человека,
и сами полегли за это.

Затем вошла хозяйкой слава --
кумир всё затопившей черни.
Во всём спортивная забава:
хоть в чём, но всё равно
быть первым.

Нового, чёрного окраса:
чёрный квадрат, чёрное оружье,
чёрная кровь... и мёртвых масса
закрыла славы полукружье.

Теперь Овечкины во славе,
полмира бесится в дурмане:
“Наш самый первый
в сей забаве” --
и ладно, что дыра в кармане.

Мы на войне им накидаем,
пусть помнят, что ещё живые.
Такие “шайбы” набросаем --
забудут зори голубые.

***

Понять поэзию от века
пытались многие моментом.
Поэт рисует человека --
не как художник пациента.
Потерян взгляд
душевно близкий --
такое видел Боратынский.

Перечитывая классика

Заворожён нежданно
всем известным ликом,
от слов волшебных удержись.
Большой поэт,
давно ставший великим,
привычную себе обманывает жизнь.

Из детства постигла меня
благодать --
зачем я на памятник буду пенять.

Себе

Мы писали без оглядки,
сам собой являлся стих.
Дальше хитрые догадки
лезли в помощь -- гул утих.

Время ветреной свободы
потихонечку ушло.
Но среди родной Природы
сочинять нам “западло”.

Стихом сразу не гордись,
нам оно не подобает.
За поэта пишет мысль . . .
а потом и поправляет.

Итальянцам небо в звёздах
освещает каждый миг.
А у нас -- особый воздух
душу русскую постиг.

***

Висит великая война . . .
а на экране только толки:
о том, что гибель не видна,
пока вокруг одни осколки.

Осколки -- это все мы здесь.
А те, кто управляет нами,
всегда прикроются деньгами,
чтоб в общую не сгинуть смесь.

Деньги не сгинут всё равно.
Пускай вокруг хоть всё утонет --
всплывёт лишь тёплое говно,
оно по гибнущим не стонет.

***

Чего Россия добивается на фронте ?
Какие жертвы бросит на убой,
чтоб в собственном
пожить ещё комфорте ?
Ответить постесняется любой.

Когда под окнами орёт людское стадо,
а человеческое всё утрачено давно --
вам дальше пояснять уже не надо,
что превратится это всё -- в одно.

Завет Судьбы

Напрасно думать: как на сцену
пройти высокий ряд ступеней?
Судьбе известно: всякий гений
смертельную заплатит цену.

***

Перед поэтом чернь в насмешку
снимет шляпу,
считая этот жест ему в награду.
Поэт -- медведь, сосущий свою лапу,
но всё-таки дразнить его не надо.

***

Уже не сыщется наследник
в моей неблагородной жизни.
Я с вами поделюсь последним --
давно не обладаю лишним.

Ирония Судьбы

Когда жестокая печаль
накроет нас железным веком,
и жалок станет календарь,
уже ненужный человеку,
из всех краёв глухой Земли
пусты представятся событья,
тревожным разумом внемли
души возможные открытья.

Она представит новый Мир,
во сне желаемый тобою.
Возникнет созданный кумир,
владеющий людской судьбою.
Пойдём отважно вместе с ним
под знамя будущей победы.
Теперь он нам необходим --
так побеждали наши деды.

***

Такой войны страна на знала,
где непонятно, кто воюет,
как на толкучке у вокзала:
не знаешь, кто куда кочует.

Толкучки каждую неделю --
от Думы до “встречи с президентом”:
прикрывшись собственным бездельем,
умело овладеть моментом.

Им нечем далеко глядеть,
тем более на всю округу.
Задача всех пересидеть . . .
и сохранить свою обслугу.

Не проглядишь до горизонта,
куда укрыть родной комфорт,
когда бойцы вернутся с фронта,
они второй откроют фронт.

Вам

Привыкшие всё видеть скопом,
решать проблемы неких стран --
как смотритесь под м***а***кроскопом
из тех, невидимых пространств ?

Не поминайте мне разлуку.
Других убежищ новосёл,
я вашему не внемлю звуку,
и с вашего ума сошёл.

***

Война: одним -- как мясорубка,
спецоперация другим.
Огромный дефицит рассудка
всё превращает в чёрный дым.

Российский мир поставлен на кон.
Научимся ль сражаться впредь.
Кипит котёл, а сверху накипь --
века грозят перекипеть.

***

Листаю “присланные из Германии”
стихи великого поэта.
Он там, в подсобке полусвета,
не разом обратил внимание.

Но и теперь его подарок
судьбою каждому из нас,
не зная времени помарок,
лежит -- как золотой запас.

***

Тютчев -- истый европеец,
видел Русь -- “гигант,
как царство,
и мала, словно младенец” --
долог рост до государства,
кои выросли в Европе,
но в своей ленивой силе
докатились до России . . .
и теперь в единой . . .

Вопрос на засыпку

Такой в мозгах скапливается застой,
не разом добрых мыслей обретём.
Ищем, где “зелень” нагрести косой,
чтобы вокруг остался чернозём.

Но остаётся мёртвая земля.
Что на ней дальше буду делать я ?

***

Ему Земля всегда поката.
Поэт -- он “нищий, как поэт”.
Нет у него отца и брата . . .
да и любви *навеки* нет.

Зачем Судьба его рождает ?
Какой на это даст ответ ?
Или она сама не знает
все тысячи прошедших лет.

***

Мы истине у Жизни учимся.
Внутри её, как на вокзале,
однажды Пастернак замучился,
читая публике шедевры --
вы б сказали.
Тогда: Цветаеву . . . Цветаеву . . . --
кричали в зале.

***

Люблю живых поэзию и кошек.
На них не жалко дорогих мне слов.
Но не терплю фарфоровых зверюшек,
как и “фарфоровых” стихов.

***

Только в поэзии свою
ты проживаешь жизнь.
Все прочие -- пустые,
если в твою хотя частичкой
не влились --
картинками застыли.

***

Когда я чувствую
незащищенность сердца,
опасную открытость бытия,
внутри закроется
чувствительности дверца,
хотя на миг освободит меня.

Вопрос на засыпку

Кто записал тебя в поэты ?
Такой нет в мире юрисдикции.
Легко не обращать на это
привычкой на любые фикции.

К стихам не подходи разгуливая,
пускай уйдёт повадка лисья.
Они родятся не раздумывая,
словно цветаевские письма . . .

***

Планета превратилась в срам,
последний не поделит хлам.
Умолкнул стих в моей стране --
одна стихия в глубине.

Вольготно досыпает срок,
задержка не пойдёт нам впрок.
Чем дольше тянем эту нить --
тем мерзостнее будем гнить.

Спектакль с войною не жилец,
недолог и его конец.

***

Глухой обвал назад в столетье
постиг огромную страну.
Страшней всего -- в то лихолетье
его не знали глубину.

Не в предусмотренном проекте
здесь преодолевалась мгла --
Россия грелась в интеллекте,
кучкуясь, где только могла.

Теперь в огромном подземелье,
где сверху правящая власть,
осталось лишь упасть в похмелье --
не знаем, куда глубже пасть.

***

Ко мне три дня не приходило Слово.
Вокруг одни слова, слова, слова.
Но вдруг оно вошло в меня -- готово . . .
и сразу закружилась голова.

***

Свои стихи с годами множа,
не льщусь кому-то быть понятен.
Стих -- сброшенная змеем кожа,
из мёртвых неприглядных пятен.

А змей живёт своей судьбою,
змеиной, многим неприятной.
Но он живой, как мы с тобою,
и не считает свои пятна.

Так я, ободранный годами
не раз, не пять, ничей наследник,
скоро предстану перед вами
в известной коже . . . и последней.

С Россией кончено. На последях
её мы прогалдели, проболтали . . .
Макс Волошин

Столетье смертельная песня звучала,
тревожа и раня живые сердца.
Нет тех, захлебнувшихся ею с начала . . .
а я допеваю её до конца.

***

Великий господин Народ --
всё то, что народилось в мире.
Его любите наперёд,
и пойте песнь ему на лире.

Глупец с налёту видит быль,
и замечает солнце . . . в луже.
Всё покрывает, словно пыль,
и понимает всё . . . снаружи.

А у кого болит внутри,
и мало в этой жизни хлеба,
на тех сегодня не смотри --
единый путь таким . . . на Небо.

***

Стихи не терпят обсуждения.
Если они -- всего стихи,
от них не ждите наслаждения,
и нет ответа за “грехи”.

Если же красоты вы ждёте --
она не в лёгком удальстве
пилота в сказочном полёте,
даже не в редком мастерстве.

Поэт стихом себя являет,
когда не может “подождать”,
и кто-то им повелевает
о “Небе” людям рассказать.

Здесь творчество -- не консерватория,
не цель создать прелестный стих.
Стихи -- скорей лаборатория:
вдруг ярче жизнь блеснёт из них.

Блеснёт -- и новое осветит
в сокрытой прежде глубине.
А ты теперь пред ней в ответе
на всей неласковой земле.

***

Два страшных нарыва растут на планете.
Заболевают и старцы, и дети.

В нарывах и чирьях живёт организм.
Болезнь эта всюду известна -- нацизм.

Опасные зёрна повсюду найдёшь,
хотя неприметны, как мелкая вошь.

“Большим” человечья невидима кровь,
спокойно играют в “войнушку” и гольф.

Якобы промашка

Деды Малороссию однажды
с лёгкостью назвали Украиной:
не писать же в документах дважды,
думая о каждой “половине”.

И теперь ещё не спохватились:
где попался весь народ в ловушку.
Словно бы случайно очутились,
свой нацизм приняв за безделушку.

***

Читатель мой -- тебя уже не встречу.
А что есть встреча -- разве оба лбом ?
Не потому, что где-то ты далече,
но в разных судьбах мы с тобой живём.

Тебе мой голос ничего не значит,
здесь мало распознать, что скажет стих.
Какой он наяву, когда он плачет,
когда в порыве, и когда притих.

А если бы сбылась такая встреча --
не знали б мы: что вот она и есть.
Не потому, что у поэта Слово вечно,
но некому послать до сердца весть.

Поэт и на Земле -- всегда на Небе.
Прогулки “по делам” ему не в счет.
Не важно, где он был и где он не был,
его весь век сама Судьба ведёт.

Я могу без необходимого,
но не могу без лишнего.
М. Цветаева

Завет Неба

Чтоб в жизни было всё,
(как у Всевышнего --
заметим это)
в ней не должно быть лишнего . . .
как и (словно) в стихе
великого поэта.

Полной двойственности нет --
Небом не завещано!
Если в жизни ты поэт --
то уже не женщина.

Памяти Ариадны Эфрон

Когда включаете телеэкран
в электросеть,
ещё не знаете, куда смотреть --
на осветителей смотреть не надо,
как в цирке маленькая Ариадна.

Вопрос на засыпку

Кем я из массы узнанный,
зачем навек обузданный ?
Архангелу иль Дьяволу служу --
последнего стиха не напишу ?

***

Не нужен в слове только звук,
если в стихе оно не значит.
Мы пробуем его на слух,
чтобы стих становился зрячим.

Вижу лишь зрячие стихи,
тревожащие миг от спячки.
А прочие равно глухи,
живущие лишь на подачки.

Зрячие не всегда глаза.
Порою чувство больше видит,
как будто скрытое провидит . . .
и по щеке бежит слеза.

Пушкин -- Ходасевич

Великий Пушкин выразил стихом
гармонию под Неба колпаком.
Огромный Ходасевич
пробил Небо так,
что к звёздам вылетел
сквозь голубой колпак.

***

Мне в поэтической отваге
писать совсем резона нет,
тем более на той бумаге,
что отдыхала много лет
в неких подвалах канцелярских,
не ожидая стать живой
в руках хозяйски-пролетарских
и всем прозрачной головой.
Но стих тревожно беспокоит
и просится на чистый свет.
Иначе эта жизнь не стоит
прожитых так безумно лет.

***

Пройдёт в миру немало лет,
мы там ещё не скоро будем,
где Блок ушёл за интеллект,
и новый стих оставил людям.

***

В жизненной судьбе
критериев как будто нет,
но по-разному все что-то значат.
Блок прожил каких-то 40 лет,
а пустые нынче 80 тащат.

Пляски Смерти

Накатывается человечья осень.
Разматывается людской клубок.
Весь ужас, что собою носим,
за сотню лет до нас
провидел Блок.

***

Порой засветит солнце в луже,
много захочется сказать --
поэт напишет много глубже . . .
чтоб много больше не писать.

***

Когда отрады полной нет,
а жизнь туманится тоской --
в стихах лишь плещется поэт,
но дышит влагою морской.

***

Порой рабочую тетрадь
под ухо невзначай прижмёшь --
словно с любимой ляжешь спать . . .
и долго-долго не уснёшь.

Начало конца

В миру раздрай, повсюду враг.
Страх давит на живые души.
У безразличных вянут уши.
Схватились намертво -- цугцванг.

***

На войне всем тяжелее --
жизнью надо дорожить.
А конец -- ещё страшнее:
не с кем будет жить.

***

Каков бы ни был Мир могуч --
жизнь светлая не получается.
Смерти невинных не кончаются . . .
пока нацизм ещё живуч.

Вопрос на засыпку

Кто на войне похож,
как жлоб
на глупого мальчишку:
забрался сдуру в гроб . . . и ждёт,
когда закроют крышку ?

***

Ещё когда-то в детской мгле
не мог я слышать
в веке рваном,
где что-то на большой Земле
садисты подожгли напалмом.

Теперь другие времена,
но, трахнутая национализмом,
благополучная страна
сама себя сожгла нацизмом.

***

Красоты и правды нет,
сострадания не сыщешь,
где поэт -- всего лишь “фет”
среди всех, душою нищих.

Слегка иной наклон штриха
в изображении поэта,
и воля русского стиха
чуть-чуть иначе видит Фета.

фет -- нищий, изгой.

***

В этой жизни всего
невозможно понять.
Не пытайся для этого
больше узнать,
накопив груду всяких подробностей.

К пониманью нацепится
столько всего,
что закроет вниманье
ума твоего
и лишит к размышленью
способностей.

Если музыка вдруг
обоймёт тебя в ночь,
не спеши музыканту
игрою помочь.

Беспилотное будущее

Предвижу чудную картину.
Я где-то в бункере в горах.
Земли не знаю половину,
какой на ней комфорт . . .
и крах.

Где беспилотники -- летают,
а где они -- как поезда.
Кто ими всюду управляет ?
Какая в небе там звезда ?

Кому я там сегодня нужен
кто ещё помнит обо мне ?
Что будет у меня на ужин,
и жив ли я ещё на дне ?

Когда я выберусь на волю ?
Да и зачем уже ? Куда ?
Такую не хочу я долю,
где беспилотны поезда.

***

Болезнь опасная пока ещё вначале,
не враз до нас, культурных, доползёт.
Но “вирус плебса” начался в Непале,
и тридцать миллионов душ
уже открыли счёт.

Путь в никуда

Фашизм -- тотальное единомыслие.
То же, что красный коммунизм.
Народ крепчает при фашизме . . .
пока не схлопнется в нацизм.

***

Мы не боимся замирения с нацизмом.
У нас фашизм -- довольно крупный бес.
С ним перейдём все рвы и катаклизмы,
чтоб сохранить и чернь свою, и плебс.

***

Миротворцам мало верьте,
пусть убеждать пытаются.
Где открыты “окна смерти” --
потом не закрываются.

***

Утром -- как в купе проснулся:
что за остановка, чья ?
В окна к небу прикоснулся --
снова не моя Земля.

А когда мне будет поздно
чьи-то проезжать края,
обращусь к небесным звездам:
где там станция моя ?

Софии Парнок

Поэт огромный у российского костра.
Таких родит не всякое пространство.
Цветаевой в поэзии сестра . . .
а недоумки разглядели лесбиянство.

Европе

Пугать Россию бойней новой,
с потерей должного ума,
захлёбываясь старой злобой,
вряд ли решилась бы
Смерть сама.

Вы можете исчезнуть вдруг
в каком-то ядерном потопе.
Народ, построивший
Санкт-Петербург,
навеки царствует в Европе.

***

Конец войны застыл в мечтании
и безнадёжности . . . А нам осталось
тащить теперь глубокий хаос . . .
и быстрой смерти ожидание.

А тот, кого учителем считаю . . .
Анна Ахматова

Признали Анненского вы --
награда редкому уму.
Ему не здесь хотеть любви.
Подарок вам, а не ему.

Себе

Не удлиняй свой стих “что силы”,
в размере преимуществ нет.
Прекрасен может быть букет,
не вся цветочная корзина.

Иннокентию Анненскому

Где впечатление порой к стиху ведёт,
а через стих чудесное увидит,
Он мыслью впечатление создаёт,
и глубину в невидимом провидит.

Ограбление Лувра

Если к концу идёт совместный путь,
элите с чернью погибать обидно.
Останется дожить хоть как-нибудь,
дуря подельников взаимно.

Вопрос века

Что за бес принуждает страну
воевать в договорных тисках?
Позволяет закончить войну
только страх
во враждебных мозгах.

?

Давно война --
что здесь страшнее?
Прошла весна --
кому больнее?

Всем всё равно,
коль жизнь пустая.
Лечь на крыло,
как птица в стае?

Куда лететь,
в какое небо?
В пути глядеть,
где раньше не был?

Что миновать,
какие реки,
пока война
сожрёт навеки?

***

Если б меня спросили:
“Откуда путь мой начат?” --
Сказать, что из России,
здесь ничего не значит.

Начав из Петербурга,
в пелёнках и блокаде,
закончилась прогулка
на койке в Ленинграде.

Четыре года в койке,
на ноги не вставая . . .
Затем учился, бойко
за школой успевая.

Проехав пол-России
с Востока до Кубани,
хлебнул в родной стихии,
чего не ждал заране.

Зато стихи явились,
по некоему случаю,
где до меня родились
поэты, в мире лучшие.

Для них была поэзия --
создание небесное.
Не стихотворство гения,
и не бравада песнею.

Наталье Гончаровой

Порою она с мужем, как вдова, живет,
пренебрегает “взбалмошным мальчишкой”.
Тревожит больше собственный живот . . .
а у неё поэт “под мышкой”.

К портрету А.А. Блока

Под беломраморным обличьем андрогинна
он стал бы радостью, но чьих-то давних грёз.
Стихи его горят -- на солнце георгина,
горят, но холодом невыстраданных слёз.
Анненский о Блоке

Читая записи великих о великих,
припомним время, пережитое Отчизной.
Блок осознал её в самых отвратных ликах,
когда Анненский уже ушёл из жизни.

***

Автограф Анненского как-то я увидел:
весь перечёркнут поперёк и ввысь.
Как будто раньше он меня предвидел,
чтоб показать: ”Вот этому учись . . .”

***

Пускай не мучается ваша голова
набросить мостик между нами.
Поэзия -- не то, что слышится в словах,
а что рождается словами.

Она большая, и не вся в словах.
Они всего лишь оболочка.
Слово в стихе даже не почка
в цветке, что вырос на глазах.

Цветок не сам себе цветок.
Он только всплеск живой природы,
её растущий лепесток --
создание её погоды --

частицы жизни в ней самой
в согласьи голубого неба.
А вольный человек там не был
(лишь в капсюле, где был живой).

Возможно, это луч такой,
что своего поэта встретит.
Всю глубину его осветит
и убедится: “Это свой”.

А дальше в нём живёт, как свой,
для человека -- самый главный,
пока их не возьмет домой
Большое Небо в Мир свой славный.

***

Да, никому я не кумир,
нигде ни искоркой огня.
В себе ношу я целый Мир,
его нет там, где нет меня.

У каждого и Мир другой --
бессчётное число миров,
отдельной созданных судьбой.
А Мир единый -- он каков ?

А человек единый -- кто ?
Или -- что ? Вопрос простой.
Он также и совсем пустой,
как всё пустое есть -- ничто.

Легко прожив своё ничто,
подумай: что оставишь ты
здесь, кроме общей пустоты ?
И это “кроме” всё же -- что ?

Возможно, память о себе,
о том, кто здесь уже ничто . . .
И жизнь, наперекор судьбе --
твоё большое “кое-что”.

***

Проснулся ночью в новом сне,
где я турист в другой стране,
что впереди на целый век,
где много может человек.
Наших проблем давно там нет
и всюду правит интеллект.
Искусственный, или живой:
понять не с нашей головой.
В гостинице горничная -- друг,
вплоть до интимных нам услуг.
Такой высокий интеллект --
у нас пока подобных нет.
Каприз ваш выполнит любой,
пускай вы даже “голубой”.
Искусно всё в этой стране,
хотя искусственно вполне.

Но не поеду туда вновь --
давно забыли там . . . любовь.

***

Мы вечно ждём, как на вокзале.
В России долго после Фета,
до Блока, не было Поэта,
что Анненского не враз признали.

Вопрос на засыпку

Где этот Мир ? Его везде излишек.
Весь сущий хлам мне суждено познать ?
Мой ум барахтается в скопище умишек,
и этот хаос обречён я разгребать.

Здесь поневоле обратишься к Небу,
раздвинуть как-нибудь пространства бытие.
И вдруг поймёшь, что никогда там не был,
что это лишь сознание твоё.

А что есть Мир ? Насколько познаваем ?
Его лишь Бог наш якобы познал.
Кто же ты, временный, никем не узнаваем,
и устремленный, словно на вокзал ?

***

В порыве, детски-воспалённом,
мы продолжаем страшный путь.
От глупости, к “победе” склонной,
мне уши навсегда б замкнуть.

Взаимное уничтожение
победой чудится для всех.
Кровавой бойни завершение
предъявит миру -- что есть грех.

***

Вы спр**о**сите: “Кто есть поэт ?
Какая его польза плоти ?”
Нужнее пользы людям нет:
поэт -- змей, чей укус -- наркотик.

***

Просматривая черновики,
как ленту,
всю перечёркнутую сплошь,
их вспоминаешь, как легенду . . .
и где-то маленькую ложь.

Не удается с ней проститься,
она с тобою навсегда.
Однажды может засветиться,
словно далёкая звезда.

Загадка века

Что есть Россия -- сразу не поймёшь.
Все домыслы о ней скорее будут ложь.
Прожив не более двух-трёх поколений,
здесь от негроида родился гений.

***

Сижу один в пустой квартире.
Тоска чего-то ждёт.
Правда, нас здесь всего четыре:
две кошки, третий -- кот.

Ещё, как нянька, телевизор --
наставник всех и вся.
Он разъяснит: что нужно в жизни,
чего терпеть нельзя.

Расскажет обо всём подробно:
что Трамп ещё сказал,
что объявить для нас удобно,
а что и за глаза.

Потом комментаторы поправят
его и всех других.
На путь нас правильный направят,
словно, слепых, глухих.

Так и пройдёт мой день обычный:
ни худа, ни добра.
Для всех нас вроде бы приличный,
такой же, как вчера.

А к ночи лягу спать пораньше
в постылую кровать,
и продолжая думать: дальше
зачем их повторять ?

. . . не знаю сам, что буду петь,
но только песня зреет.
А.А. Фет

Поэт, забрось свои скрижали,
перо не пачкай впредь,
если все слушатели знают --
чт**о** будешь петь.

Вопрос на засыпку

Откуда на земле таланты ?
В России вдруг так много света ?
Сияют, словно бриллианты,
стихи помещика А. Фета ?

Как в той глуши родился стих,
какие дебри перевесил ?
В какой чащобе он возник,
где знали только звуки песен ?

Кто любит петь -- конечно, не убоги.
Хохлы поющие -- в поэзии не боги.

***

Хреновая по миру весть,
трагедия последних лет:
повсюду только интеллект,
искусственный . . . у кого есть.
Забыт о разуме вопрос --
навек в гнилую землю врос.

Вопрос на засыпку

Под шумом словесного града
вся в доме большая семья
усвоивала: “как надо”,
не думая впредь: “а кто я ?”

Что вижу я сам, понимаю,
зачем в этом мире живу,
покуда к небесному краю
приближусь уже наяву ?

Стих поэту.

Зачем ты головой поник ?
Не пишется любимый стих,
в надежде подождать подольше ?

Он нужен именно сейчас,
в этот случайный тихий час ?
В тебе его намного больше,

чем ты задумал написать.
Он хочет дольше подышать,
и не стремится на бумагу.

Он хочет жить с тобой вдвоём,
ваш расширяя окоём.
А чтоб уйти -- найдёт отвагу.

***

Минуя много поколений,
мы возросли на редких ликах,
чтоб видеть: Пушкин, Баратынский --
великие,
но только Тютчев -- гений.

Святая ночь на небосклон взошла . . .
Ф.И. Тютчев

Окончен день, лукавый и простой,
весь предсказуемый в волненье гибком.
Приходит ночь всеобщей госпожой
и прекратит общенье с днём-фальшивкой.

***

Легко в сём мире доживаю жизнь,
без лишних к провиденью укоризн.
При мне, иль без меня --
здесь всё едино:
такая же отвратная картина

***

Где допустима участь “конца света”
и не скрывается при всём народе --
завидна жизнь “последнего поэта”:
он здесь единственный,
кто волен и свободен.

***

Слов бесконечная орда
засунет мне под утро фразу.
Я не встречал её ни разу,
и не встречать бы никогда.

Но воет непрерывный гул,
разбрасывая сна осколки,
как будто отовсюду толки
хотят, чтоб я навек уснул.

Как будто снова я куснул
осколок слова на экране
и обречён теперь заране
влачить во сне словесный гул.

Себе

Пока твой голос вовсе не затих
и кой-когда звучит родная лира --
не подвергай анализу других,
но лишь себя, как вскрик
частички мира.

***

Возможно, интеллект
всех нас одарит смыслом,
и наградит весьма разумной головой.
Но он живёт всегда
под азбукой и цифрой,
а человек порой встречается . . .
живой.

***

Мне надоел за много лет
весь этот мир напутственный,
где глупость или интеллект --
а он всегда искусственный.

***

В России жизнь -- как попустительство.
Для многих видится: удачное,
и даже брачное сожительство
редко воспринимается как мрачное.

***

Накрывший мир огромный хаос
с десятком ядерных держав,
готовых всюду воевать
(за оправданье чьих-то “прав”)
возможно смогут описать
лишь те, кто на Земле остались.

***

Стихи мои, когда под кровлей Юга,
ночами быв оставленным супругой,
я время изнывал и думал, что пора
ненужному здесь убираться со двора,
(а убираться некуда в пустой России)
одни лишь вы меня по воздуху носили.
Как мне за это вас благодарить,
что не порвалась сразу моя нить ?
Увидел с вами радости иные,
а это нелегко в большой России.

Ни свет, ни славы
блеск пустой
Константин Батюшков

Тогда не знали про шедевры,
и как они на свет родятся.
Капнист и Державин неповинны.
В России Батюшков из первых
нырнул в Поэзии глубины . . .
и не успел наверх подняться.

***

Жалка мысль: стать кому-то кумиром.
(Даже некому крикнуть: привет!)
Ты остался с Поэзией, с Миром,
а ценней в этом мире и нет.

***

Настали дни -- безвольные, глухие.
Я слов не нахожу, чтобы о них сказать.
Стихи по-прежнему стучатся, но такие --
не поднимается рука их записать.

***

Мне ни к чему судьбы афиша,
намётки чьи-то на экране.
Поэт тогда стихи напишет,
когда не ведает заране:
Что скажет грубый интеллект ?
Что ожидается в округе ?
И нет уже такой подруги,
чтобы стихом послать привет.

***

Распался мир, как звук,
упавший с неба,
по-разному в ушах и наяву.
Он не такой, где никогда я не был
(а если буду, то не так пойму).

Во всех местах по-разному
мы ходим,
что каждому наказано судьбой.
Тем более, по-разному уходим,
и что-то оставляем за собой.

Но все идём мы в сторону одну,
в одну и ту же глубину.

Вопрос на засыпку

Когда сочиняешь огромный стих
и тащишь, как некую глыбу,
что лёгкою мыслью в тебе возник --
зачем его тянешь на дыбу ?

***

Ты счастлив, если вдруг тебе случилось
себя живого выразить в стихе.
Не только то, что родилось, как милость,
а время, хоть на миг, остановить в строке.

С того Света

Нет здесь ни ада, и ни рая,
нет постоянства и любви.
Поэзия есть -- блажь святая,
но ты весь в ней перегори.

Владислав Ходасевич

***

С не очень здравой головой
не надо нас пугать Европой.
На Русь уже ходили скопом.
Тех мало, кто ушёл живой.

А если мы в военной схватке
не одолеем сволочья,
тогда всех ждёт
в сухом остатке
всемирная “ничья”.

***

Сегодня, будто бы 100 лет прошло,
у каждого есть оправданье:
“если бы не”, и не одно --
не сдал бы Россию на закланье.

Кто-то повыше держит взгляд,
надеется, что “там всё знают,
и всё как надо порешают” . . .
Но страшен внутренний распад.

***

Потянет Мир войну с Россией ?
А что ему ещё осталось,
если остатки прежней силы
грызёт последняя усталость ?

Только не Мир войну затеет,
а те, кто на нём сидят “от веку”,
и носят сладкую идею,
что “всё доступно человеку”.

А человеки -- только эти,
Жизнь и Земля под чьею властью.
Они и выживут на Свете,
забыты дьявольскою пастью.

Но Мир -- как человек -- живучей,
чем нечисть на уставшем теле.
Он смоет грязь струёй могучей,
чего душа давно хотела.

***

Мы беспокоим разум наш всё чаще:
откуда возникают чудотворцы ?
Родится физик-ядерщик блестящий --
в изобретатели его потащат.
Но вдруг Поэт появится под солнцем --
мы его видим только стихотворцем.

***

Когда в глазах тускнеет свет,
а прошлый век предстанет вещим,
горше печали в жизни нет,
где связь утеряна с прошедшим.

***

Поэзия не всегда заметна,
в стихе порою не найти.
Она лишь в глубине конкретна --
проекция долгого пути.

Я не люблю стихов,
что на мои похожи.
Вл. Ходасевич

Кто-то напялил твой костюм,
иль на него похожий ?
Ужели зацепил твой ум
тот, кто тебе прохожий ?

Возможно ль поэта повторить ?
Скопировать хотя бы ?
Ведь надо жизнь его прожить,
пройти те же ухабы.

Всех радует, что ты поэт,
лишь на себя похожий.
Таких на Свете больше нет,
хоть вылезь вон из кожи.

А если что-нибудь твоё
доступно подражанью --
сменить возможно бытиё,
а заодно и званье.

***

Стихи мои не очень гладки,
не пропоёшь, как аллилуйю.
Почти всегда они не сладки --
я сладостями не торгую.

***

Разуму глаза свои расширь,
как весной встречаешь
радость солнышка.
Бесконечность видится
не только вширь,
но и вглубь живого зёрнышка.

***

Век девятнадцатый, достойный,
рождать миру Тютчевых способный,
в конце стал мало знаменит.

Двадцатый с золотой натуры
легко разлёгся на купюры --
теперь инфляция звенит.

А если что и остаётся
от звуков лиры иль трубы,
то вечности жерлом пожрётся
и общей не уйдёт судьбы.
Г.Р. Державин

Не всё здесь на Земле пожрётся.
Останутся мыслей огоньки.
На небе ангел улыбнётся,
что мы на Свете не одни.

Он знает: на пути недлинном
кому ты душу подарил,
для радости, живой, взаимной,
с кем рядом и дышал, и жил.

***

Недопетая песнь --
в ней не слышно конца.
Обовьёт теплотой, не откроет лица.
Пролетит, словно в небе комета.
У поэта всегда недопета.

***

Кто вам сказал, что жизнь --
подарок и награда ?
Кто с разумом, здесь поняли давно:
поэзия одна нам радость и отрада.
Всё прочее: война, спорт и кино.

Не надо про любовь --
она есть у зверюшек.
Такой природы дар
им более послушен.

***

Мой стих, прошедший
через разум,
как кошка ходит на чердак,
он в вас уложится не разом,
и шёл он к вам не просто так.

На каждом новом повороте
пусть обойдёт он все углы.
Там вы легко его найдёте,
хоть прежде не всегда могли.

***

Загублен жизнью Блок,
и Гумилёв расстрелян.
Не хватит этих строк,
чтоб описать всего.
Кем на моей Земле
такой погром затеян,
что в пагубном огне
не вспомнить ничего ?

А память всё гнетёт,
не отпускает душу.
Ночами теребит
и за сердце берёт.
С утра тревожит слух
и залезает в уши,
чтобы досадный звук
отправился в зенит.

Вопрос на засыпку

Чтобы слова поэта ожили,
рецепта нет: как их читать.
Стихи листать подряд --
не то же ли,
что камешки редкие перебирать ?

Смерть поэта

Читаю Анненского стих последний.
Его название: “Моя тоска”.
Не всякий это вынесет наследник,
не всякий -- пистолет удержит у виска.

Понятно, как он в Петербург приехал
в последний раз из Царского Села,
какая смерть, не допустив огреха,
его давно уже сюда вела.

***

“Писать себе в тетрадку --
люкс*” --
так думала Марина.
А я в печать и не стремлюсь --
не та уже година.
Поэзия -- родня тому,
к кому она стучится.
Нет больше ценности ему,
что в жизни ни случится.

люкс* -- роскошь.

Памяти Софии Парнок

Хозяйка редкого стиха
в преддверьи ложного прогресса,
ты не любила букву “х” --
во всём поэт, не поэтесса.

Опередив свою судьбу,
нигде не поспевая к сроку,
жила, как будто на бегу,
всюду оказываясь сбоку.

Цветаевой старшая сестра,
по жизни будто бы близняшки
порой в глухие вечера
вы из одной пивали чашки.

А жизнь вас всё же развела,
не сходятся двое великих.
Запутавшись в чужих делах,
вы оказались в разных ликах.

В огромной общей кутерьме
и твой путь был не без помарок,
но ты забыла о себе,
оставив людям свой подарок.

***

“Когда Россия воевала с Заграницей” --
старинная строка, словно летящей птицей,
так и кружится над российскою судьбой.
Пора бы нам закрыть последний бой.

***

Ты доиграл в народной драме,
скоро закончится игра.
Сгорела жизнь в чужом бедламе,
в вечный готовиться пора.

***

Пройдя сквозь все труды и беды,
дожили мы до новых лет,
где человека уже нет --
остались люди . . . и людоеды.

Всё это -- только лишь нарост,
нарост едва ли не смертельный.
Век человеческий -- последний,
коростой смертною зарос.

***

Поэт! В тебе родился стих,
ты лучшее в себе постиг.
Стишков дописывать не надо --
пуста дешёвая награда.

***

Зачем пишу, словно на льдине,
видя конец своей судьбе ?
В такой трагической картине
не время ли вспомнить о себе ?

Послав стихи в людское море,
на произвол случайной качки,
поэт скорее примет горе,
чем от филолухов подачки.

***

Жизнь на грани каждый час --
что значит быть поэтом.
“Всё началось и кончилось без вас!” --
и вся Марина в этом.

***

Мы риторы от юности беспечной
по самые глухие времена.
Но кто-то от риторики словесной
в духовные уходит письмена.

Душевная риторика всесильна,
под редкую поэзию косит.
Глубинная фантазия обильна,
и широко свои открытия гласит.

Людское горе мало беспокоит,
мысль отдыхает, разум на мели.
Читателя здесь многое устроит,
а ты только “красивое” мели.

Случайно выжила София Парнок,
больной России брошенная дочь.
Она не мыслила оставить свой подарок,
ей близким людям думала помочь.

Post-scriptum

Мы риторов на пол-страны создали,
в них недостатка нет.
Теперь они толкуют в каждом зале,
на целый свет.

Стихориторика давно привычна,
неважно -- кто сказал.
Во всех ушах она звучит “прилично”,
на весь кагал.

Душевная риторика сложнее --
тревожит душу изнутри.
Фальшивку здесь узнать труднее,
попробуй -- в разум посмотри.

Его не все из нас имеют,
у всех достаточно ума.
А тут, как будто сердце греет
сам-друг -- поэзия сама.

И ты уже не кто-угодно,
не первый встречный на пути.
В элиту шествуешь свободно,
в любой “базар” готов идти.

На рынке не заметите усмешку,
красиво сделают
за несколько минут.
Цветы бумажные
с живыми вперемешку
любой букет вам создадут.

***

По**о**лно! В чём поэтов сила,
и за что их уважать ?
Не спортсмены, чтоб красиво
им кого-то побеждать.

Он приносит только радость,
жизнь увидев в глубину
там, где вы не догадались,
глядя в сторону одну.

Моим стихам

Спасибо вам, мои шальные.
Ко мне стремитесь наяву.
Пока приходите, родные --
столько на свете проживу.

***

Судьба полно повесила:
то каплет, то течёт.
Поэту, если весело --
только за свой счёт.

Себе

Когда заканчиваешь жизнь свою,
не трепещи у смерти на краю.
Благодари судьбу, что ты постиг
Державина бессмертный стих.

***

Истёк у времени кредит,
стишок ко мне не прилетит.
А сочинять я не берусь,
давно не приемлю эту гнусь.

***

Есть поэты -- всем князья,
не возьмёшь подложно.
Этих прочитать нельзя --
перечитать можно.

***

Год новый всюду наступает.
В домах обновляется жильё.
Война манатки собирает,
как бабы грязное бельё.

Но после новой постирушки
опять услышим прежний вой,
вновь загремят шальные пушки
и дроны над чьей-то головой.

А дети всюду подрастают,
вдыхают жизни глубину,
и мамы с грустью замечают:
все старше на целую войну.

***

Свой век прожили мы не зря.
Словно глупцы на мир глядели.
Когда вполне уж одурели --
вернули бога и царя.

Хотя ты всё-таки не вошь,
и душу ощущаешь в силе,
но за тебя уже решили:
как будешь жить
и как умрёшь.

***

Каким ты будешь -- стишок последний ?
Уйдёшь со мною, как мой наследник ?
Вдруг на поминки придёшь незваный --
слегка напомнишь дуэт наш славный.

Не каждый в радость тебя услышит,
чтоб приложиться -- как звук твой дышит.
Но ты не сетуй такой нетребе --
все будем вместе мы там, на небе.

Великому С.Е. Раичу --
наставнику Тютчева.

Как в вечность воды уплывают
давно всем нам известных рек,
так постепенно угасают
из памяти Раичи, навек.

***

Поэт. Не читай Тютчева подряд.
Не раскрывай глаза на Солнце.
Прикрой цветочки на оконце --
в воздушном пламени сгорят.

***

Такие есть слова -- всю жизнь
их произносим,
как будто с ними весело играем.
Как мелочь в кошельке, с собою носим,
но глубины их не воспринимаем.

И вдруг такое что-нибудь случится,
чего ни в жизни, ни во сне не ожидаем:
их глубина пред нами обнажится,
и мы едва удержимся над краем.

***

Пришёл корабль российский
в порт,
к заветному причалу.
Куда здесь клонит горизонт:
к концу или к началу ?

Осталось жить на дне тоски.
Теперь ты мне поверишь:
распался весь народ в куски --
как ты теперь их склеишь ?

Единомыслие -- фашизм.
Название мы сменим.
Пускай оно: хоть коммунизм --
не станет веселее.

Затем всё хаос разнесёт,
или война большая,
и разлетится общий порт,
как птиц голодных стая.

Памяти маркиза
Астольфа де Кюстина

Россия в 1839 году

Бонус дала Россия
царю на 13 лет.
Вспомнит ли де Кюстина
хоть через 200 лет ?

***

Если для вас весь мир -- кино,
экран -- всегда своё окно,
то, как в него ни посмотри,
жизнь не увидишь изнутри.

***

Живой росток, глядящий в небеса,
станет цветком, лишь влагой омываем.
Живой стишок, смотрящий вам в глаза,
распустится, словами укрываем.

?

Читаю Тютчева стихи --
те, что прислал он “из Германии”,
из лёгкой Пушкинской руки
Русь облетевшие заранее.

Но чья рука теперь найдётся
искать потерянное знамя
Поэзии ? Небо улыбнётся,
чтобы возжечь былое пламя ?

***

Язык русский многое может,
порой в пониманьи поможет:
со-весть -- взаимная весть . . .
если она у нас есть.

***

Сторонний аналитик -- он всегда
в развитии беды проходит мимо.
Болезнь предсказывает лишь тогда,
когда она неизлечима.

***

Ушли столетья, как античность,
с остатками романтики.
Сгинула человеческая личность,
остались люди-фантики.

Не разом угадаешь тут --
что в этот фантик завернут.
Теперь на много нудных лет
хозяин в мире интеллект.

***

Что есть поэзия -- так и не знаю я:
кто ты, иль что ты есть такое ?
Но не бросай, не оставляй меня --
в пустом миру не надо мне покоя.

Пусть не узнаю, хоть нырну до дна
(если пренебрегу, чем здесь рискую),
Поэзия, побудь со мной одна --
такой, какой тебя я нарисую.

***

Случайно увидев меня
с запасом готовых улыбок,
забыли вы -- это не я,
другой кто-то вышел на рынок.

На рынок того бытия,
где все мы проводим полжизни,
лишь в ночь возвращаясь в себя,
к своей настоящей отчизне.

Она приласкает теплом
и внутренним светом овеет.
Осветит волшебным лучом --
и ночь станет дня веселее.

***

Когда большой театр
без режиссера,
а кто-то сам взял эту роль --
в нём лишь места для разговора
и ты приспособиться изволь,

то на панели своя свора
бегает поперёк и вдоль --
раздолье для шпаны и вора . . .
и множества бездарных воль.

Такой театр -- не живой,
как манекен с пустою головой.

***

Человек без войны не живуч.
Часто спортом её заменяет,
на арене бывая могуч . . .
иль за картами жизнь убивает.

***

Поэзия входит без слов
к поэту, во всей своей силе.
А если он жаждет стихов --
становится пленник стихии.

***

Как предназначено судьбой,
мы с вами в общем ресторане,
где не предвидится заранее,
когда отправишься домой.

Уже недолог отдых мой.
Чем оплачу я за грехи,
словно прожившие стихи,
давно оплаченные мной ?

***

Взволновалось сволочьё,
затревожилось впервые.
Вдруг -- проблемы сырьевые . . .
и народ -- тоже сырьё.

Мы можем клясть
большую драку,
иль сетовать своей судьбе,
но будем слиты в ту клоаку,
что вырыли самим себе.

***

Спортсменов славим, как героев,
иль стихотворцев в цвете лет.
Спорт -- это цирк, души в нём нет.
И только клоун там порою
себя покажет как поэт.

Поэту

Если вдруг постигла благодать,
не печалься, как душа сказалась.
Что ей было суждено сказать,
не сравнимо с тем, что записалось.

***

Почему ушел я в самость,
чтоб для всех явиться “неким” ?
Мне от жизни нужна малость:
лишь остаться человеком.

Здесь я вам, словно в картине,
в общем виделся б ночлеге,
как “один из” в коллективе,
или колесо в телеге.

Нищета сожрёт однажды,
как на это не смотри ?
С ней справляется здесь каждый:
нищета -- она внутри.

Флаг в руки

Цепочку слов в сознанье бойком:
деньги -- товар -- деньги -- товар
правильнее читать по тройкам . . .
хоть разный осмыслится базар.

Исчезнет в пыль наверняка
словесный мусор на бумаге.
Но сохранится на века
весь Маркс на иудейском флаге.

На ожидаемый вопрос
на всякий случай вам замечу
(пусть разум высоко возрос):
там два треугольника навстречу.

И незачем трудить мозги
в анналах пыточной науки,
где не провидится ни зги . . .
и флаг вам в руки.

***

День ещё в полночь не ступил.
Я наслаждаюсь в эту пору:
как бы амброзии испил,
назло прохожему задору.

Кто тебе встретится -- молчи.
Такое только раз бывает.
А что напишется в ночи,
об этом и она не знает.

***

Людь по-своему воспринимает мир,
непонятку всю сметает под себя,
остальную жизнь в себе губя.
Для неё весь мир становится иным.

Человеку этот мир чужой.
Как в подвале, тяжело дышать,
в потолок стучаться головой . . .
и об этом некому сказать.

***

Между двумя людьми
на этом свете,
свободными со всех сторон,
всегда есть кто-то третий --
“невидимое” -- он.

***

Вдруг наступит пустота совсем,
когда мир к нам повернётся подло,
мы и в крестный ход пойдём .
бог знает с кем . . .
если быдло собирают в кодло.

***

Вновь нас нудит мир дурацкий
(никуда уже не деться)
сохранить нарыв хохляцкий
к юго-западу от сердца.

***

Идя своим путём свободным,
весь независим, словно горец,
поэт не должен быть народным,
народный -- только стихотворец.

Не знаю, было бы приятно
послать вас в мир, как на вокзал.
Стихи мои, другим не внятны . . .
зато я вас не продавал.

А.А. Фету

В седьмой свой десяток
унёс даже плач --
такая Природы награда.
Ничто не забыл он,
несчастный палач . . .
но только -- она ему рада.

***

Где дела пошли по-свински,
потерялась жизни нить,
мелкий фюрер украинский
Трампа может пережить.

***

Война блестит нам лезвием --
на это не смотри.
Война, как и поэзия --
она всегда внутри.

Всё уже было

Кто развеет этот мрак ?
Впереди -- могила.
Кроме новых железяк --
всё здесь уже было.

Памяти Александра Лебедя

В бездумьи своих превеликих затей,
игрой то ли карт, то ли кадров,
Россия теряла своих Лебедей,
великих своих Александров.

Теперь беспилотники небо свербят.
Кто против кого -- не ясно.
Башка без пилота у новых ребят.
Зато умирать не страшно.

***

Поэт, пусть где бы раньше не был,
пускай он на язык остёр --
он разговаривает с небом,
и с ним уйдёт в большой костёр.

***

Поэту Жизнь по-разному
встречать приходится.
Полжизни часто с Нею
он знакомится.
В редчайшем случае Она --
его любовница . . .
И если оба выживут при этом --
тогда поэт становится Поэтом.

Только Жуковский жил,
“не выходя из Дома”.
Но эта редкостная жизнь
не каждому влекома.

***

Идёт война -- великая грызня
каждого с каждым (не всегда заочно).
А ты не видишь, разумом скользя,
насколько в мире стало всё непрочно.

Мир на разбитые колени встал,
чтоб не высовываться слишком.
Но всем грозит некий девятый вал.
Кого и как тогда накроет крышкой ?

Только поэт заглядывает ввысь,
в мире ином живёт свои полжизни.
Здесь, на земле, его, как ни крепись,
ночами тянет к голубой отчизне.

Поэт не знает, сколько он велик
иль мал. Он сам себе всегда единый,
и только с улицы случайный вскрик
его встревожит у стола в гостиной.

***

Мир дневной, в его просыпе жутком,
мелет непрерывно: “бла, бла, бла”.
Но его не слышишь в промежутке,
словно пелена вокруг легла.

Только ночь нам открывает Небо,
мы ему за жизнь свою должны.
И хотя ты никогда там не был,
слышал звук надорванной струны.

***

Когда я узнаю, что скапливается народ --
хотя б из Эмиратов, где застряли шлюхи --
мне видится огромный крестный ход,
где кучей собираются от смертной скуки.

***

Когда смотрю на мир окрест,
тревожит прежнее старьё.
Перед глазами русский лес --
он много больше, чем сырьё.

***

Пришёл историк с парой книг
о той войне великой,
что отразилась в некий миг
в России полудикой.

Войны не знали и тогда,
когда она пылала,
в те беспросветные года,
хоть видели с начала.

Все войны только изнутри,
когда ты в ней, увидишь.
Но как оттуда не смотри --
вокруг таких же видишь.

А что война сама в себе --
никто ещё не знает.
и что она в людской судьбе --
лишь гений понимает.

Тех единицы на Земле,
и ум и них особый.
Он светит лишь в самом себе,
не вхож к чужой особе.

Наш ум загадочней всего,
что живо на Планете.
Но потеряем и его --
чем будем жить на Свете ?

***

Я сдерживаю себя едва,
где слышу вновь “речёвку” эту:
“Поэзия -- одни слова”.
Да, но они -- тропа к Поэту

Женская месть

В.Ходасевичу, Н.Берберовой

Когда фальшивая семья
распалась на кусочки вся --
у зеркала меняя мимику,
решила на прощанье Ниника:
“Чтоб по уходе насолить,
борщ на три дня ему сварить,
а для продления тоски
заштопать все его носки”.

***

Война теперь, как спорт --
нет у него границы.
Как съездить на курорт,
взглянуть в другие лица.

Другим даже комфорт --
собою в мир явиться,
и Трампом засиять,
чтоб всюду гоношиться,
и век не перестать --
как женщина в цветах
не кончит копошиться.

***

Война пошла у Трампа не по плану.
Её непостижима глубина.
Подробности я пояснять не стану.
Война по плану -- это не война.

***

Юному нужна охрана,
чтобы постигнуть: что к чему.
Научившийся чему-то рано --
не научится больше ничему.

Себе

Стыдись, дружок, писать
всё мельче,
когда пришло такое время:
поэту не хватает желчи . . .
и всё стыднее перед всеми.

***

В окошко не стучи доверчивою птицей,
за подоконником другой сияет свет.
К нему ты волен за стеклом стремиться --
не передать себя, как через интернет.

Предчувствие

Такое наступило время:
ворьё подпольное, как бремя,
из всех щелей уже глядит --
ждет, кто кого пересидит.

Теряет власть своё “сырьё”,
“расходный” свой материал.
Не усидит кремлёвский зал,
когда восстанет вдруг ворьё.

***

Когда для вас Жизнь --
мировое кино,
всё в вашей башке порешает оно.

Что стоят для славы
и совесть, и честь?
Забудем и бога, и мать.
У нас ещё что-то
в загашнике есть,
чтоб в этом “кине” доиграть.

***

Не много в жизни я постиг,
повсюду некий “ворог”,
и знаю: бедноват мой стих . . .
но чистотой мне дорог.

***

В каком-нибудь случайном сне
тебе скажу я, вспоминая:
“Единственный подарок мне --
ты не спеши, меня читая” .

***

Как будто Мир наш голубой,
а утро новость обещает,
но каждый здесь себе не свой,
и к вечеру голубизна растает.

***

Мы в своей заплутались стране,
и забыли -- на что всё похоже.
А теперь, словно тень в глубине,
сумасшествие Трампа тревожит.

Мало нам европейской возни
за победу над “мерзкой” Россией,
что хоть посох дорожный возьми
и отправься за добрым Мессией.

Но таким осторожным путём
не убавится пролитой крови.
Мы вас лучше всех там похороним,
а потом своё место найдём.

***

Теперь мне хорошо,
теперь я улыбаюсь.
Не так было годы и
десятилетия назад.
Не спрашивайте: чем
в такое время маюсь ?
Так улыбается уже принявший яд.

***

Не так, чтобы всюду беда
грозила и днём и ночью,
а хочется иногда
увидеть свой мир воочью.

Не только в ползучей мгле,
где мысли вокруг застыли,
и ты как червяк в земле,
или мертвец в могиле.

Но страшная пустота
обволокла человечность,
и безрассудная вечность
вряд ли тобой занята.

***

Прошли народы сотни лет,
где: “Победителей не судят!”.
Векам тем шлём мы
свой привет:
“Теперь победителей не будет!”.

***

Мой невозмутимый мрачный дух,
ты -- как эта скучная погода,
иногда предстанешь мне, как друг,
и живёшь со мной порой полгода.

Гладишь меня ласковым лучом,
и стихом одаришь незнакомым.
Мне тогда все беды нипочём,
славно принимать
свой путь законным.

Но подарок редкого стиха
радует мой разум не надолго,
словно избежать хочу греха
и нести “до веку” чувство долга.

***

Не много из живущих постояльцев,
понявших что-то на исходе лет,
сегодня могут посчитать по пальцам:
кто в этом веке -- подлинный поэт.

Великому поэту Софии Парнок.

Прости, живу в такое время,
что только твоему подстать.
Хотя вокруг иное племя --
тебе бы лучше не застать.

Я тот глупец, едва ли не последний,
еще безумствующий в твоём райке.
Родится ли когда-то твой наследник,
на нашем говорящий языке ?

Марине Цветаевой

Стихи её так нашпигованы
горстями слов,
что трудно их проговорить,
словно солдат, вооружённый
до зубов,
не может даже закурить.

Пускай это не удивляет нас --
так начинают гении подчас.

***

С поэзией мученья нелегки:
вдруг заболит -- в душе
пропал уют,
её живые боли не уйдут --
они не помещаются в стихи.

***

Поэт не волен у божественной
строки,
которою порой бывает пытан.
Тогда ложатся редкие стихи,
когда неважно -- будешь ли
прочитан.

***

Привычка видеть сразу, налегке,
заинтригует нас однажды,
что дом поэта --
всюду двухэтажный . . .
хотя второй этаж порой . . .
на чердаке.

У меня совесть не чиста
от разврата.
А. А.. Блок,
дневник, 1911 год.

В те годы много было грязи,
пол-Петербурга всяких связей.
Порой заглянет в чью-то “банду” . . .
но чист поэт всегда на Правду.

А.А. Блоку

Тянем, тянем злобы нить --
пусть всем будет плохо.
Чтоб двенадцати пожить --
погибай эпоха!

***

Такого не было от века:
в небытие Культура сгинет,
Мир исторический погибнет
(Останется -- технологический).
Но в нём не будет Человека.

***

Русь -- великая страна,
“на завидки” всему миру.
Её ширь и глубина
беспокоят мою лиру.

Сколько среди нас своих --
не всегда узнаешь их.
От Москвы до Сталинграда
враг осведомлён, как надо.

Если мы ещё в ударе,
хватит только блох ловить.
Сволочь в бешеном угаре
всегда знает -- куда бить.

***

В этот мир “операций и клизм”,
где вольготно гуляет нацизм,
потерявший свой разум навек,
погребён будет весь Человек.

***

Осталось жизни “с гулькин нос”.
Сколько ? -- не мучает вопрос.

Но хочется в конце пути,
чуть-чуть звеня на лире,
пешком по Родине пройти,
как по своей квартире.

***

Такая выпала судьба
у каждого здесь человека:
всяк отвечает за себя --
но отвечать нам
перед “некем”.

Не надо бога тормошить,
когда случится нечем жить.

***

В любом вопросе редко увидишь “дно”,
и суть не в разно понимаемых словах.
Пускай, мы говорим все на одном --
мы думаем на разных языках.

***

Рождена военным веком,
мать всегда мне говорила:
“Кто ушёл не человеком --
яма им, а не могила”.

Передонов -- это каждый из нас
А. Блок

Светится во мгле затонов,
словно блики на воде,
Мир -- всеобщий Передонов:
его нет и он везде.

Иннокентию Анненскому

Гений, ушедший в никуда
в своей безрадостной отчизне.
Лишь одинокая звезда
ему светила в этой жизни.

Встречаясь с нею иногда,
он, в те прекрасные года,
в суровой жизни нелюдим,
не открывал её другим.

Он больше был, чем человек,
но не преодолел истому.
Открыв Серебряный нам век,
позвал нас к веку Золотому.

***

Когда закрыты все пути общения,
а в общем трёпе мир не столь живуч,
только поэзия, словно небесный луч,
порой нам высветит тропу спасения.

***

Нам и сейчас, погрязшим в прозаизме,
трудно понять, как смотрел за горизонт,
превозмогая злую правду жизни,
гений полупомешанный -- Бальмонт.

Женщина видит только то,
что видит.

Ложась в постель
поближе к ночи,
не сразу ты поймёшь, любя:
жена ребёнка больше хочет --
или всё-таки тебя ?

ПМЭФ – 26

Все ждали с самого утра,
пока гостям не стало грустно.
Фальшивая политигра
вошла совсем в другое русло.

А в зале: кто забыл поесть,
а кто -- хотел в другое место,
где можно было бы присесть.
Здесь всем бродящим стало тесно.

Наш царь явился наконец --
к “полднику”, как бы мы сказали.
Овации гремели с мест
во всем трехтысячеместном зале.

Потом притихли всей гурьбой.
Когда пришедшим стало скучно,
иные занялись собой,
а кто-то уснул благополучно.

Такая жизнь у тех гостей,
что спишь на людях, и за деньги.
Встревожит что-то из вестей --
тогда раскрыть придётся “зенки”.

Нет-нет на сцену посмотри:
слова выступающих нечётки,
скука скопилась изнутри --
сам царь перебирает чётки.

Сей форум в радость нам всегда,
валюты на него не жалко.
Коль не встречаться иногда --
на всей планете станет “жарко”.

Кто-то столкнулся с кем-то вдруг --
лицом немного побледнели.
Но вспомнили свой “ближний круг”:
ты здесь на людях и “при деле”.

***

С каким ни будем мы запасом --
когда противник лютый --
с ним не воюют только “мясом” . . .
но собственной валютой.

***

Поэт не любит стихотворчество.
Он ценит имя, а не отчество.
Он с именем своим рождён,
а с отчеством жить -- понуждён.

***

Не перечесть талантов Гумилёва.
Он был поэт, волнуя и любя.
Но обуздал заманчивое Слово --
став стихотворцем, погубил себя.

***

Поэтом стать наверняка --
не счесть рецептов и учений.
Но после длительных мучений --
провидеть душу русского стиха.

Памяти О.Э. Мандельштама

Ни цвет лица, ни мягкий волос,
ни взгляд в сверкании стальном --
он был -- один поющий голос . . .
и полный нищий в остальном.

Он знал, что его уничтожат,
на это сознательно шёл,
но смертью своей лишь умножит
творимый в стране произвол.

“Ещё мы жизнью полны в вышей мере . . .”,
пока нет приговора: “к высшей мере”.

***

Мне всё равно, как вы
мой стих прочтёте
и кем признаете меня.
Когда летящий звук в полёте --
он сам на линии огня.

Великому Севастополю

А море Черное шумит, не умолкая
М.Ю. Лермонтов

Ты прав, Мишель, полно было на нас
поганых орд от края и до края.
О них давно ушёл в забвенье глас,
а море Черное шумит не умолкая.

***

Мы редко вглядывались в лица,
и редко вспоминаем впредь.
А в иных жила Душа.
Душа -- это царица:
Она не может умереть.

Памяти Марины Цветаевой

Я правды словом не нарушу,
всегда Судьба её вела:
она везде искала Душу,
но так нигде и не нашла.

***

Мы ярких стихотворцев
горазды звать на сцену.
За стихотворство пишущие
знают цену.
Поэт на этом рынке мало значит.
Поэзия своим подданным
не платит.

***

Не ищите в стихе у меня недостатка,
мне безразлично:
что вы в нём найдёте.
Сам все листы раскидаю в полёте,
где добиваюсь “сухого остатка”.

Весь Мир есть изваянный стих.
К.Д. Бальмонт

Возможно, так и Мир возник:
мне видится недаром,
будто две рифмы через стих,
находят свою пару.

Бальмонту великому

Поэт с живописцем всегда заодно,
ласкают глазами своё полотно.

А если чужой вдруг случайно возник --
зачем ему долго разжёвывать стих ?

Конечно, всегда эта “Воля” -- твоя,
завистника дразнят большие края.

Он молча мотает своей головой
в бессильной попытке
сравняться с тобой.

1941

Будучи разумом мертвы,
нацисты, как по следу,
рвались от Бреста до Москвы,
и там уже нарвал**и**сь
на русскую Победу.

Проблема XXI века

Что бы в жизни ни вышло,
непонятно -- что делать:
всюду лезет под дышло
обозная челядь.

***

За окном опять какой-то шабаш,
словно дьявол крутит дребедень,
и назавтра этот мир оставишь . . .
а сейчас --
“российской молодёжи” день.

***

Не может быть исхожена Поэзии дорога.
Нам не понять её божественных основ.
Но знал ещё Бальмонт,
писавший слишком много,
что “лучший стих --
где очень мало слов”.

***

Всегда обласканные белым светом,
пусть успокоятся холодные сердца.
Чтоб прочитать Бальмонта до конца,
вам прежде надо стать поэтом

***

Он всегда весь нараспашку к нам,
мы его отвагу не забудем.
Только он писал про йони и лингам,
как про счастье, даренное людям.

***

Вот зажурчал июль -- середина лета.
А лет этих осталось два или три.
Душа любовью так и не одета,
Всё, что осталось, греется внутри.
А год последний знает свой уход . . .
но не откроет -- сколько проживёт.

Поющие голоса

Слышу их ещё с утра, в постели.
Горизонт чуть-чуть лишь заалел,
а они давно уже запели --
на земле у них немало дел.

Не ищите голосам замену,
им сродни весенние ключи.
Только голос пробивает стену . . .
и ещё, как эхо, прозвучит.

***

Людей, хлебнувших зла до дна,
уже ничто не напугает.
Висит ядрёная война,
а они в футбол играют.

***

Людьё веками тащит свой застой.
Война была разменною монетой.
Футбол на месяц стал игрушкой лета,
чтоб без войны осилить год пустой.

***

Где даже футбол вымирает, как жизнь,
накричаться осталось до слёз.
Последний футбол “приказал долго жить”.
Что дальше ? -- остался вопрос.

***

Не клейте мне шаблон изустный.
Я в профиль не единственный.
И если в чём малоискусный,
то всё же не искусственный.

Дорогому Тигре

Нелегко послать к нему записку,
интернет не разом долетит.
Но сегодня о далёком близком
мне стишок тихонько говорит.

Он тихонько говорит, но тонко.
Бережёт мой разум на пути крутом,
душу прикрывает, как глаза ребёнка,
когда ум безумствует
в сём хаосе глухом.

Автор: Владимир Петрович Градусов

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

(Философская лирика и ещё кое-что)

Том 2

(до 2026 г.)